

Услышав слова Се Аньланя, Се Хуажун слегка покраснел, особенно когда это произошло на глазах у многих знакомых. Он начал оправдываться:

— Кузен, что ты такое говоришь? Как я могу не хотеть? Просто я сегодня вышел из дома, не взяв с собой достаточно серебра. Обязательно сделаю это в другой раз.

Улыбка Се Хуажуна стала натянутой. Кто бы знал, какая муха укусила Се Аньланя — с ходу потребовал десять тысяч лянов! Если бы у него было столько денег, стал бы он искать удачи в игорном доме? А что до его обещания на другой раз — так и завтра другой день, и послезавтра тоже.

Се Аньлань замолчал, лишь глядя на Се Хуажуна с улыбкой. В его прежде простодушных глазах теперь читался глубокий смысл, который Се Хуажун не мог постичь. От этого по спине пробежал холодок, и ему пришлось смущенно отвести взгляд, остановив его на медной монете, которая весьма приметно лежала на игорном столе.

— Раз уж так вышло и я испортил кузену настроение, давай я составлю тебе компанию в паре партий? Ты будешь ставить медью, а я — серебром. Если проиграю — это за мой счет, если выиграю — забирай себе. Как тебе такое?

Се Аньлань был не против. Он ведь и пришел сюда, чтобы выиграть денег. Та самая медная монета, что он поставил вначале, была лишь пробой пера — кто же знал, что на крючок попадется такая жирная овца. Правда, такими темпами, играя по одной монетке, неизвестно, когда удастся набрать сумму для погашения долга Се Минъи в триста лянов.

Се Аньлань немного подумал и с довольной усмешкой произнес:

— Если кузен готов составить компанию, я, конечно, буду только рад. Но так играть слишком скучно. Давай сменим правила?

Се Хуажун, видя, что Се Аньлань больше не упоминает те десять тысяч лянов, ухватился за эту возможность:

— Прошу, кузен, говори.

— Как старший, я не стану тебя обирать. Мы будем делать ставки вместе, используя медные монеты. Но если я выиграю партию, ты будешь удваивать ставку. Пойдет?

Се Хуажун уже подумал было, что Се Аньлань сегодня стал другим, но нет — все такой же тщеславный, как и прежде. Только что отказался от шанса получить деньги, а теперь настаивает на медных монетах. Даже если ему сегодня повезет и он будет выигрывать каждую партию, до самого рассвета он вряд ли выиграет у него даже два ляна серебра.

Подумав об этом, Се Хуажун с широким жестом согласился:

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Высокородные юноши, наблюдавшие за поединком, поначалу были воодушевлены, но, услышав, что ставка составляет всего одну медную монету, быстро утратили интерес. Они видели, как в игорных домах разбрасываются тысячами, но ни разу не встречали такой мелочной «забавы». Собравшись небольшими группами, они разошлись по своим делам.

Вскоре слуги Се Хуажуна с поразительной прытью принесли обоим господам по тщательно протертому стулу. Се Аньлань и Се Хуажун сели друг напротив друга, а крупье начал трести кости, чтобы они могли помериться результатами.

Сыграв несколько партий, Се Аньлань осознал, насколько же плоха его удача: он проиграл несколько десятков раз подряд, не выиграв ни разу. Если так пойдет и дальше, он всерьез сомневался, удастся ли ему обчистить Се Хуажуна прежде, чем закончатся деньги.

Напротив, Се Хуажун, видя, как лицо Се Аньлани становится все мрачнее, не мог сдержать злорадного восторга. Именно за это он и любил играть с этим кузенком: удача у того была просто отвратительная — девять ставок из десяти проигрышные, и сложно было бы не выиграть у него денег. Даже если игра шла на медные монеты, после нескольких десятков побед подряд азарт Се Хуажуна разгорелся не на шутку, и он давно забыл, что это была лишь дружеская игра.

Примерно на сотой медной монете Се Аньлань наконец выиграл! Се Хуажун замер на мгновение, а затем приказал слуге выдать выигрыш — две монеты, добавив с жаром:

— Еще!

Се Аньлань лишь усмехнулся, ничего не ответив, и бросил на стол медную монету, действием показывая свое намерение продолжить. Когда он снова выиграл после еще примерно сотни проигранных монет, он начал улавливать закономерность. У нормального человека вероятность выигрыша составляет около пятидесяти процентов, а у него — от силы один-два. Се Аньлань подивился: как же прежний владелец тела с такой катастрофической удачливостью вообще умудрился стать игроманом?

Поединок тянулся с рассвета до заката. Се Аньлань выиграл у Се Хуажуна ровно девятнадцать партий. А вокруг Се Хуажуна вместо одного слуги с деньгами уже суетились два или три счетовода из игорного дома, не переставая щелкать костяшками счетов. Вокруг стола собралась толпа зевак. Раньше они считали, что игра на одну монету не стоит внимания, но теперь поняли, как сильно ошибались. Сегодня они стали свидетелями невероятного зрелища — оказывается, с одной монетой можно играть и так!

Се Хуажун, чьи глаза давно налились кровью от азарта, вовсе не замечал происходящего. Он лишь смотрел на растущую гору медных монет и думал о том, когда же он наконец выиграет все деньги, что оказались в руках у Се Аньлани.

В тот момент, когда Се Аньлань выиграл двадцатую партию, Се Хуажун нетерпеливо прикрикнул на слугу:

— Плати!

— Господин... нет... денег больше нет! — слуга смотрел на Се Хуажуна с таким видом, будто был готов расплакаться.

За девятнадцать проигранных партий господин суммарно проиграл тысячу сорок восемь лян и пятьсот семьдесят четыре медные монеты. Такую огромную сумму он просто не осмеливался выдавать без личного распоряжения.

— Что?! — Се Хуажун посмотрел на своего слугу так, словно тот рассказал самую нелепую шутку в мире. Се Аньлань выиграл всего несколько партий, как он мог проиграть все, что было при себе?

— Господин, вот счет, взгляните сами, — слуга хорошо знал характер хозяина, поэтому, заметив, как сумма постоянно растет, заранее попросил счетоводов составить список.

Се Хуажун выхватил список из рук слуги. Сначала все шло обычно, но начиная с десятой партии, выигранной Се Аньланем, ситуация резко изменилась. С каждой последующей победой Се Аньлани сумма убытков удваивалась, и в прошлый раз он разом проиграл более пятисот лян! По этим расчетам выходило, что за последнюю партию он проиграл больше тысячи лян!

Все дело было в том, что он не воспринимал медные монеты всерьез. Он не предвидел, что даже одна монета, удваиваясь, может превратиться в нечто ужасающее. Если бы не своевременное предупреждение слуги, он бы не просто разорился — это было бы еще легко сказано!

Се Хуажун с побагровевшим лицом бросил взгляд на Се Аньлани. На его руке, сжимавшей список, вздулись вены, а в груди клокотал яростный гнев:

— Ты обманул меня!

Се Аньлань в этот момент вертел в руках два серебряных слитка и невинно пожал плечами:

— Кузен, почему ты так говоришь?

Встретившись с этим невинным взглядом, Се Хуажун с досадой стиснул зубы. С яростью взглянув на своего слугу, он сорвался на него:

— Почему ты не предупредил меня раньше?!

— Господин, я предупреждал, но вы сказали, что не нужно докладывать вам о таких пустяках, — слуга чувствовал себя обиженным. Когда он пытался предупредить, его обругали, а теперь его же и винят...

— Смеешь еще спорить?! — рявкнул Се Хуажун. Слуга тут же опустил голову, не смея больше проронить ни слова, и тихо отступил в сторону.

У Се Хуажуна давно пропало наслаждение от игры, осталось лишь глубокое раскаяние. Он жалел, что обрадовался легкой наживе, а в итоге потерял больше двух тысяч лян. Истинное «потерял больше, чем приобрел».

— Кузен, ты в порядке? Разве не ты часто говорил, что если тысячи лян ушли, они еще вернуться? Не стоит из-за таких мелочей терять самообладание и злиться.

Се Аньлань подавил усмешку, дословно возвращая Се Хуажуну те самые слова, которые тот говорил ему, когда он сам проигрывал деньги.

— Еще чего, — голос Се Хуажуна звучал так, будто у него сердце обливалось кровью. Две тысячи лян серебра! Это же дань с его уезда Хэцзянь за два-три года! Его земли и так были бедными, а из-за того, что двор годами вел войны и народ не мог перевести дух, налоги собирались с трудом. Как же тут не скорбеть, лишившись дохода за несколько лет?

Впрочем, скорбь скорбью, но он, как-никак, ван, и не настолько бесстыден, чтобы не платить по долгам после проигрыша. Почти со слезами на глазах он отсчитал две тысячи девяносто семь лян и пятнадцать монет, которые был должен Се Аньланю. В душе он поклялся, что больше никогда не захочет видеть медные монеты, потому что при одном взгляде на них он будет вспоминать о своей сегодняшней глупости.

Расплатившись, Се Хуажун с мрачным видом покинул игорный дом. Как только он скрылся, игроки на втором этаже разразились возгласами, словно приветствуя победу Се Аньланя. Глядя на уходящую фигуру Се Хуажуна и слушая овации в зале, Се Аньлань внезапно утратил всякий интерес. Девять ставок из десяти — проигрыш, кто в этом заведении может быть успешен вечно? Все они лишь те, кто на миг тешит свое самолюбие. Он решил, что в будущем будет избегать подобных дел, в которых сам проигрываешь, чтобы не дать временному триумфу вскружить себе голову.

Вздохнув, Се Аньлань подобрал серебряные билеты со стола, и на его лице вновь заиграла довольная улыбка. Наконец-то он перестал быть банкротом и снова при деньгах, дальше жизнь будет только налаживаться.

— Ли Юаньцзянь, иди сюда, рассчитаемся по долгам.

Теперь, когда у него были деньги, Се Аньлань почувствовал уверенность, и его голос зазвучал намного громче.

— Сейчас, сейчас, — Ли Юаньцзянь, который давно ждал в стороне с долговой книгой, услышав призыв, быстро подошел.

Он защелкал костяшками счетов, и вскоре выдал результат:

— Ваше Высочество, вы задолжали нашему заведению в общей сложности тысячу семьсот лянов. С учетом процентов, округляя, выходит ровно тысяча семьсот девяносто лянов.

— Сколько? — Се Аньлань, который как раз заказал чашку чая и не успел сделать ни глотка, от неожиданности пролил половину.

— Тысяча семьсот девяносто лянов, — заботливо повторил Ли Юаньцзянь.

Се Аньлань почувствовал, как сердце сжалось от боли. Деньги только попали в руки, еще не успели остыть, а он уже должен их отдать? Знай он это заранее, не стал бы так широко жестикулировать, закрывая долги. Но сказанное слово — что вылитая вода, обратно не заберешь.

Се Аньлань решительно расплатился. Ли Юаньцзянь расплылся в улыбке, превратившей его лицо в хризантему, и поспешил вручить Се Аньланю долговую расписку:

— Ваше Высочество, теперь вы можете уничтожить расписку.

Се Аньлань принял бумагу, не вчитываясь в детали, лишь мельком заметив на ней узор из цветков павловнии, и, не придавая значения, разорвал ее.

По правилам игорного дома Шэнъань, с учетом выплат за открытие стола и чаевых, когда Се Аньлань вышел из заведения, у него осталось лишь триста с небольшим лянов и пятнадцать монет. Поистине, путь от богатства к нищете занимает всего секунду.

Се Аньлань, измученный и голодный, добрал до Имения вана и как раз увидел Се Минъи, который дрожал от холода, ожидая его у входа. Увидев, что Се Аньлань вернулся, мальчик просиял, но, заметив его изможденный вид, тут же сник.

Се Аньлань, у которого от голода кружилась голова, улыбнулся, погладил ребенка по голове и достал из-за пазухи оставшиеся триста лянов. Се Минъи, разглядев при свете луны, что у него в руках, широко раскрыл рот и восторженно воскликнул:

— Ваше Высочество, вы смогли, вы правда смогли!

— Да, иди скорее домой. Уже поздно, родители будут волноваться! — возможно, детская улыбка была заразительна, и Се Аньлань почувствовал, что голод немного отступил.

Се Минъи, пряча серебряные билеты и продолжая твердить о том, какой великий у него дядя, убежал домой. Се Аньлань наконец выдохнул: он всерьез боялся, что Се Минъи снова спросит про тот один лян серебра с утра.

Денег у него больше не осталось...

<http://bllate.org/book/26310/3150800>